

С ТРЕВОГОЙ О БУДУЩЕМ

ТЕАТР

О том, что в Ярославле — старейшая в стране драматическая сцена, откуда вышел Федор Волков — основоположник русского театра, что на этой сцене трудится сформировавшийся коллектив, переживающий временами трудности, временами — взлеты, но обладающий своими и очень прочными художественными традициями, — обо всем этом известно давно. И когда театр недавно на гастролях в Москве показал премьеру «Кредит у нибелунгов», лишней раз подтвердилось и то, что зрелость идет здесь об руку с новизной, мудрая опытность — с юным озорством.

Спектакль по большому счету получился идейно целеустремленный, творчески интересный. Это чувствуется во всем — и в беспоконной мысли автора, и в яркости режиссерского решения, и в смелой игре актеров.

Драматург Фриц Кун, до сих пор нам не известный, зорким, пристальным взглядом посмотрел совсем недалеко — за кордон родной Германской Демократической Республики. Посмотрел, понял — и ужаснулся. Ужаснулся тому, что происходит в Федеративной Германии, и еще больше тому, что в недалеком будущем может там произойти. Об этом он и написал свою пьесу.

Драматург увидел проникших во все поры замаскировавшихся нацистов, в душе вынашивающих идею новой войны. Как заставить их обнаружить свое истинное лицо? И для того чтобы скрытое стало явным, чтобы действительность предстала в своем наиболее типическом выражении, автор прибегает к фантастике. Он создает ситуацию, при которой персонажи не могут не выдать себя. «Гитлер жив!» — словно кость бросает он этот лозунг своре пританцовавших нацистов. И, ликуя, предвнушая реванш, они объединяются под старые знамена фашизма.

Почему осторожные дельцы, прожженные политики поверили шитой белыми нитками выдумке влюбленного фотографа, который, стремясь разбогатеть, решился на безумную авантюру? Да потому, что всем им — и разрабатывающему новую военную стратегию бывшему генералу, и занимающемуся продажей картин бывшему эсэсовцу, и промышленному магнату грезятся новые завоевательные походы.

Так незначительная доля фантастики не выводя пьесу за грань допустимого, помогает глубже познать действительность, выявить внутренний смысл событий, сделать произведение актуальным и злободневным.

Кун написал трагикомедию. Жанр это емкий, позволяющий применять разнообразнейшие средства выразительности. И чем богаче палитра художника сцены, чем многоцветнее его краски, тем своеобразнее спектакль. Здесь нужно не столько самоограничение, сколько щедрость. Режиссер Ф. Шишигин не приглаживает пьесу. Напротив, используя заложенные в ней возможности, он обостряет эмоции, характеры, ситуации: местами низводит до фарса, местами возвышает до трагедии. И не боится прибегать к ярким контрастам.

Убедительный внутренне, спектакль этот запоминается и своим художественным решением (художник А. Левитан).

Стремление режиссера к четкости и завершенности характеристик подвзячено наиболее талантливыми исполнителями. Сценические портреты, созданные артистами В. Салоповым, В. Андрушкевичем, В. Нельским, убедительны и превосходны.

В. Салопов в роли фотографа Блока правдив, прост, естествен. Вершишь его тихой сосредоточенности и грустным взглядом, когда он говорит об ушедшей молодости; веришь азарту игрока, охватившему его при виде неожиданного успеха своей бредовой затеи. Веришь, наконец, его мрачноватой пассивности вначале также безусловно, как потом, когда обретена им цель, — бурной активности. Салопов быстро перевоплощается. Визиты гитлеровцам наносит уже не Блок, но интеллигентный, мучное повидавший и уставший человек, а самозванец Блоквизит; у него военная выправка, быстрая, открытая речь («время — деньги»), оттанутый в прусском шаге носок.

И хриплое фашистское «хайль, хайль!» вырывается из его горла с автоматической заученностью.

Умеет Салопов донести до зрителя переломы в психологии Блока: мы ощущаем и тот момент, когда, подстрекаемый возлюбленной, он решается на авантюру, и тот, когда испуганный легкостью побед, он осознает, что развязывает темные силы, усмирить которые будет совсем не просто. Дорогой ценой заплатил он за свое прозрение, но важно, что он все-таки прозрел! И взрывом горячего возмущения звучат его слова по адресу тех, кто готов послать его и ему подобных на новую бойню.

Непринужденная и острая комедийная манера свойственна игре В. Нельского и В. Андрушкевича. Дуэт тайного советника Вольфинга и его секретаря Клейна в их исполнении очень четок.

Ограниченность и тупость видны в невероятной серьезности, с которой Вольфинг — Нельский производит свои гимнастические манипуляции: приседает, марширует, правой рукой почесывает левое ухо. Но за Вольфингом — деньги, за ним — фирма, и он предельно самодоволен, уверен в непогрешимости своих оценок и поступков.

В противоположность своему патрону Клейн — Андрушкевич обладает хитрым, иезуитским умом. Угодливо согнутая фигура, медлительно крадущаяся походка. Вы чувствуете — этот пройдет по трупам, но выбьется.

Думается, спектакль местами слишком шумен, не все актеры в равной мере почувствовали его стиль. Артистке З. Притуле, играющей обольстительную Амелию, пожалуй, не хватает той колдовской, завораживающей силы, которой только и можно объяснить молниеносность ее побед. Может быть, нужно было бы отказаться от помпезно-иллюстративного решения ане театральное образности финала. Но это — частности. Главное то, что, создав спектакль, точный по социальной мысли и своеобразный по художественному решению, театр выступил как страстный борец за мир.

В. ЛЕВИТИНА.